

Марина
СЕРОВА

ОТ ГРЕХА

и подальше

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина С. Серова
Где собака зарыта?
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167053

От греха подальше. Где собака зарыта?: Эксмо-Пресс; М.; 2002

ISBN 5-04-010250-X

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Марина Серова

Где собака зарыта?

Глава 1

Ну что ж, кажется, исподволь подкрадывается зима... Такой безрадостный вывод напрашивался сам собой. Достаточно просто выглянуть в окно да посмотреть на то, как нудно и противно моросит дождик. И от этого в квартире становится сыро и неуютно.

Нет, зима сама по себе не пугала меня, однако невольное, включая по вечерам телевизор и слушая «Новости», я проникалась апокалиптическими настроениями ведущих последних новостей. Они же, словно вороны, ежедневно каркали, усердно пугая население голодом, холодом и другими сопутствующими бедами. И еще... Почему-то в последнее время на мою психику действовали постоянные рекламные призывы отовариться теплыми вещами, сдобренные комментариями метеорологов о необыкновенно суровом характере предстоящей зимы.

Я лежала под простыней, прислушиваясь к звукам пробуждающейся улицы. Зазвонила сигнализация в магазине, что находится на первом этаже дома, и вслед за этим послышались разудалые голоса продавщиц.

Беседа велась с широким использованием русской ненормированной лексики: «Зин, б... ну ты вечно последняя приходишь». – «Рай, ты че, не знаешь – она ж подмываться любит целый час?!» – «Лучше бы она это делала вовремя, а то вечно залетает, как угорелая кошка!» На столь откровенные высказывания коллег Зина ответила четырехэтажной матерной эскападой, которая была прервана мужским голосом, заинтересовавшимся, куда выгружать хлеб...

Я тяжело вздохнула. Услышанное доносилось из реального мира, из того самого, куда сегодня мне совершенно не хотелось окунаться.

Зазвонил телефон. Что-то слишком рано. Кто бы это мог быть? Только что, буквально вчера успешно закончила очередное дело, получила гонорар...

Неужели это психолог Толик, от которого я никак не могла отвязаться последние две недели? Наверное, у него кризис в общении с женщинами, если он так настойчиво атакует меня... вспомнил, тоже мне, о событиях двухлетней давности, когда мы были с ним близки...

Подняла трубку и тут же поняла, что ошиблась. Я была даже разочарована, когда на том конце провода услышала женский голос.

– Татьяна?

– Да, – со вздохом ответила я. – Совершенно верно.

– Здравствуй, Таня. Надеюсь, не разбудила? Это Фахрутдинова Людмила Александровна, директор федерации шей-

пинга. Может быть, помнишь, мы как-то встречались в прошлом году.

Я порылась в памяти и действительно вспомнила, что судьба в самом деле сталкивала меня с этой женщиной. Она была весьма представительна и, что греха таить, достаточно обеспеченна. Первой в нашем городе она внедрила такую модную новацию, как шейпинг, и к ней уже несколько лет напропалую валили недовольные собственными фигурами богатенькие женщины.

Популярность шейпинга росла со скоростью, прямо пропорциональной количеству килограммов красной и черной икры, съедаемой женами «новых русских». А как известно, после тридцати даже не очень склонным к полноте дамам сложно сохранить фигуру привлекательной настолько, чтобы поддерживать сексуальный интерес толстосума-мужа, избалованного женским вниманием.

– Я к тебе по делу, – журчала Фахрутдинова. – Весьма деликатному и не телефонному. Ты поняла, о чем речь?

– Нет, – честно призналась я.

– В общем, для тебя есть работа по профилю. Только по телефону ничего объяснять не хочу – сама понимаешь. Буду тебе очень признательна, если приедешь ко мне на работу.

– А куда подъехать?

– На стадион «Авангард», это почти в центре. Там висят указатели, так что мимо не пройдешь...

– Хорошо, через два часа вас устроит? А то я только что

встала и хотела бы позавтракать.

– Конечно, конечно... Только не позже. Дело довольно срочное. Жду тебя...

Я пожала плечами и повесила трубку. Я давно уже привыкла, что перед очередным делом ничего себе не выдумываю, не представляю, просто продолжаю жить своей привычной жизнью. Словом, пока клиент не сказал первого слова по делу, он для меня не существует. Как не существуют и его проблемы.

Но тут... Воображение почему-то стало рисовать картины некоего преступления, совершенного прямо на сеансе шейпинга, может быть, даже какого-нибудь изощренного изнасилования, которому подверглись шейпингистки...

Картины становились все более фантастичными, и я подумала, что надо бы позавтракать да отправляться в дорогу. А то так черт знает до чего дойти можно... Чтобы окончательно уяснить для себя, до чего я все-таки могу дойти, решила бросить кости. Выпала комбинация:

4+28+16 – «Вы уверены в себе. Любите общение и эффектный людской фон».

Это могло лишь означать, что уверенная в себе Татьяна Александровна Иванова в ближайшее время с головой окунется в общение и весьма достойно будет выглядеть на эффектном людском фоне. Предсказание расплывчатое, туманное... Одно ясно, что предполагаемое дело сулит новые знакомства и, может быть, новую для меня среду. Интересно,

что бы это могло значить? Впрочем, ждать оставалось не так долго. Я решила хорошо подготовиться к новым встречам и плотно позавтракать.

Завтрак включал в себя яичницу, германские рыбные консервы, творожную массу и чай с самарским шоколадом. Я обрушила на свой организм массу калорий и вкуса. В отличие от жен «новых русских», посещение шейпинга в ближайшее время мне вроде бы не грозило. С этой оптимистической мыслью я и вышла из дома.

Моя безотказная «девятка» быстро домчала меня до стадиона «Авангард». Действительно, как сказала Фахрутдинова, и при подходе к стадиону, и на его территории, на столбах была масса табличек и стрел, указывающих, как лучше и быстрее пройти в Федерацию шейпинга.

Я прошла по полукруглой аллее, окаймляющей футбольное поле, и очутилась на площадке перед теннисным кортом, где вызывающе блестели на пока еще теплом сентябрьском солнышке иномарки. Скорее всего эти машины принадлежали постоянным клиентам Федерации шейпинга.

Машины были припаркованы возле маленького двухэтажного здания, где, собственно, и располагалось тарасовское отделение Федерации шейпинга.

Тут из дверей вышла, высоко подняв голову, расфуфыренная дама в блестящем костюме невероятного покроя. Взгляд у нее был надменным и выражал недовольство всем окружающим. А слишком тщательно уложенная прическа

придавала ей оттенок какой-то застывшей архитектуры.

Дама высшего общества развернулась к своему «Мерседесу», и я завороженно уставилась на филейные части незнакомки. Они колыхались, будто еще не застывший окончательно холодец, который хозяйка тем не менее подает к столу.

Она словно уловила движение моих глаз и, открывая дверцу «Мерседеса», одарила недобрым взглядом мою скромную персону. Потом, гордо вскинув голову, разместила объемистые тела на переднем сиденье. Я проводила взглядом отъезжающую машину и направилась к дверям Федерации.

Открыв дверь, на которой большими буквами было написано: «Тарасовское отделение Федерации шейпинга России», я буквально натолкнулась на мужчину, собравшегося оттуда выходить и, надо заметить, делавшего это весьма энергично.

– Ой, извините, пожалуйста! – пробасил густой голос, когда наше столкновение стало уже неизбежным.

– Ничего, ничего, – успокоительно произнесла я, по профессиональной привычке собирая все тело в комок мышц.

Широкоскулое, мужественное лицо здоровяка в красной рубашке под зеленым пиджаком глядело на меня совершенно растерянно.

– Просто я не рассчитал, – объяснил он.

– Бывает, – улыбнулась в ответ я.

Мужчина произвел на меня приятное впечатление. Все

получилось как-то сразу – его эдакий мужской накат, моя реакция... И он почувствовал, что из этого эпизода может развиваться знакомство. Видимо, именно поэтому мужчина и решил представиться:

– Эдуард Навашин, менеджер футбольной команды «Авангард».

Он слегка неуклюже вытащил из кармана визитную карточку и сунул ее мне.

– Меня зовут Татьяна, и я пришла сюда по делу.

– Да я и так вижу, что не на шейпинг, – он окинул довольным взглядом мою фигуру.

– Вы не знаете, где можно найти Фахрутдинову? – спросила я.

– Людмилу? – расплылся он в улыбке. – Да запросто! Сейчас покажу!

Он показал рукой, в каком направлении надо двигаться, и через несколько секунд мы уже вместе входили в кабинет главного тренера и директора Федерации шейпинга.

Распахнув дверь, менеджер футбольного клуба загородил весь проем своим могучим торсом, и я тщетно пыталась рассмотреть, кто же там восседает за столом.

Наконец он сообразил, что из-за него мне ничего не видно, отстранился и уже собирался представить меня, как сидевшая за столом Фахрутдинова, стильная дама лет сорока пяти с тщательно уложенной короткой прической, сама ринулась мне навстречу.

– Татьяна, очень хорошо, что ты так быстро приехала, – чеканя слова, сказала она. – А вы что, знакомы? – спросила она, кивая на Навашина.

– Только что познакомились, – ответила я.

– Весьма рекомендую, – улыбнулась Фахрутдинова. – Менеджер футбольной команды, очень перспективный товарищ...

– Я в курсе, – ответила я, и в моем голосе прозвучали некоторые нотки скепсиса.

Навашин сразу смутился и почему-то начал рассказывать о команде, которой он руководит.

– Ну, в общем, у нас действительно неплохие перспективы... У нас вот бразилец есть – и ничего! И вообще наш «Авангард» через пару сезонов может в лиге чемпионов прописаться.

На сей раз скептическую гримасу состроила Фахрутдинова. Я вообще была далека от футбола, но знала, что тарасовская футбольная команда «Авангард» никогда особо не блистала, вечно болталась где-то в середине турнирной таблицы первой лиги российского чемпионата. И потому слова Навашина тоже пропустила мимо ушей.

– Так, Эдик, очень хорошо, что ты привел ко мне Таню, но мне нужно обсудить с ней кое-что конфиденциально, – решительно прервала рассуждения Навашина о футболе Людмила Александровна.

– Понял, – извиняясь, поднял обе руки Навашин. – Но у

меня к тебе тоже дело, то самое... Я тут как раз переговорю с Гараевым, а потом опять к тебе.

– Очень хорошо. Но не раньше чем через час, – она взглянула на часы. – И потом, возможно, мне понадобится твоя помощь.

– Всегда готов...

Когда за Навашиным закрылась дверь, Людмила Александровна сразу приступила к делу.

– Таня, тут у одной хорошей семьи начались проблемы. Причем глобального характера.

Фахрутдинова серьезным взглядом посмотрела на меня. Я тут же достала сигареты и собралась закурить. Моя собеседница осуждающе посмотрела на меня, потом махнула рукой, открыла форточку и откуда-то из дальнего ящика стола достала пепельницу.

– Мы это совсем не приветствуем, но тебе можно, – пояснила она, подвигая пепельницу ко мне.

– Итак, значит, проблемы, – протянула я, выпустив первую порцию дыма. – И в чем они выражаются?

– Понимаешь, там семья из трех человек. Мать – у нее своя фирма, дочь лет девятнадцати и сын – ему двадцать два, и он довольно известный человек.

– Кто же он?

– Центрфорвард нашей футбольной команды Глеб Крашенинников.

– Так... Ну и что?

– Я пойду по порядку. Начну с Глеба. Три дня назад на него в подъезде напали неизвестные и ударили арматурным стержнем по голове. Сейчас Глеб в больнице. Далее... – Фахрутдинова вздохнула. – У его сестры, девчонки то есть, пропал паспорт, и ко всему прочему, ее постоянно бомбардируют телефонными угрозами. Мол, убьем, порежем, и все такое... И, наконец, у мамы начались проблемы на работе. Налоговая, санэпидемстанция, придирки, поборы и так далее.

– Но все это мало связано между собой, – заметила я.

– Дело в том, что они убеждены, что против семьи ведется какая-то кампания, – непререкаемым тоном изрекла Фахрутдинова. – Слушай, разберись во всем этом, а? Я мать хорошо знаю, она человек обеспеченный, заплатит тебе по твоим ставкам. Только ты разрули вопрос... И особенно она за Глеба боится. Он в команде чуть ли не самый главный, звезда, можно сказать, а тут такое дело...

Я пожала плечами. В принципе, конечно, заняться всем этим я не против. Мало ли что потом может вскрыться, даже интересно.

– Тем более по выражению твоих глаз я поняла, что Эдик Навашин тебя заинтересовал, – кокетливо скосилась в мою сторону Фахрутдинова. – А если займешься этим делом, то по поводу Глеба тебе скорее всего придется контактировать с ним.

Я опять недоуменно пожала плечами.

– Да показалось вам, Людмила Александровна! За дело я возьмусь, но совсем не по этой причине. Неплохо было бы, кстати, получить аванс.

– Нет проблем, – тут же ответила Фахрутдинова, залезла в ящик стола, вынула оттуда несколько сто долларовых бумажек и протянула мне. – Это на первое время... Мы с Аллой Николаевной подруги, потом рассчитаемся.

В дверь постучали, и на пороге вновь возник великан по имени Эдуард Навашин.

– Ну что, переговорил? – сразу же переключилась на него Фахрутдинова.

– Да, все нормально. Давай формируй группу, и вперед!

– Это я им девчонок поставляю для группы поддержки из своих кадров, чтобы зрителю веселее было на матчах, – объяснила мне Фахрутдинова, листая бумаги, которые принес с собой Навашин.

– Да ты не бойся! – вдруг сказал Эдик, словно Фахрутдинова в чем-то сомневалась. – Никаких нарушений спортивного режима, приставать никто особо не собирается. К тому же ты что, думаешь, твоим красавицам нужны сейчас наши футболисты без перспектив зарубежных контрактов? Говорю тебе с полной ответственностью, от имени и по поручению, так сказать, главного тренера, что разврата не допустим, – и, насмешливо глядя в скептически прищуренные глаза Фахрутдиновой, добавил: – У тебя ведь все сплошь мисс Вселенные, с запросами не меньше чем на Рональдо

или на Давора Шукера. Куда уж нам, нищим, с десятью тысячами долларов годового дохода! И то, если в высшую лигу выйдем.

– Хорошо, – тон Фахрутдиновой сразу стал деловым, а глаза посерьезнели. – Сколько тебе нужно девчонок?

– Думаю, человек десять хватит. Но лучше одиннадцать. Фахрутдинова присвистнула.

– Ни фиги себе! Это что же – пропорционально основному составу на поле, что ли?

– Ну, да... Они наденут такие же футболки и будут во время перерыва... это самое... – Эдик постарался изобразить грациозные движения шейпингисток, но у него это вышло как балетное адажио у медведя.

Людмила Александровна криво усмехнулась, а я не удержалась и громко засмеялась. Навашин опять смутился.

– Ладно, уговорил. Сегодня вечером у меня сбор элитной группы, подходите вместе с Гараевым, и решим вопрос. И смотри у меня, – погрозила она пальцем Навашину, – чтоб все было в норме! Не испортите девчонок. А то нам скоро с выступлениями в Америку ехать, неожиданности мне ни к чему...

– Да ты что, обижаешь! – Навашин взял со стола бумаги, подписанные Фахрутдиновой, и двинулся к выходу.

– Ты подожди... Часа в три будь, пожалуйста, наготове. Тебе предстоит проехать вместе с этой очаровательной девушкой, – она повела бровью на меня, – к Глебу в больницу.

– Без проблем и с удовольствием, – улыбнулся Навашин и исчез за дверью.

* * *

Знакомство с семьей Крашенинниковых состоялось после обеда. Нас вместе с Фахрутдиновой Навашин отвез к ним домой на своей машине.

На пороге квартиры нас встретила нервная женщина лет сорока пяти.

– Вы частный детектив? – сразу же уточнила она, пристально глядя на меня. – Очень хорошо, очень хорошо...

Навашин, будучи не в курсе моих занятий, продемонстрировал явное удивление. Сначала нахмурился, потом поднял брови, покачал головой и как-то смутился.

– Проходите, проходите, – скороговоркой произнесла женщина, приглашая нас в комнату.

Вскоре на столе уже парились чашки с кофе, к которым подали пирожные.

– Так, может быть, я пойду? – сказал Навашин, не решаясь присаживаться. – У вас тут свои дела...

– Нет, останьтесь, – попросила я. – Мало ли... Как я понимаю, неприятности затронули всех членов семьи, в том числе Глеба, а он – лучший нападающий вашей команды. Садитесь... Если, конечно, Алла Николаевна не против, – кивнула я в сторону хозяйки.

– Нет, не против, – тут же отреагировала Крашенинникова. – Итак, по порядку. Три дня назад моего сына в подъезде встретили неизвестные бандиты и избili железными прутками. Сейчас он в больнице. А позавчера дочь говорит, что потеряла свой паспорт, вернее, его отобрали у нее. А ей оформляться в загранпоездку... Представляете?

– Кто отобрал паспорт? – удивилась я.

– Дочь возвращалась поздно вечером, во дворе к ней пристали неизвестные парни. Она хотела закричать, но ей зажали рот рукой, потом обшарили сумочку, взяли паспорт и убежали.

– Больше ничего с ней не сделали? – уточнила я.

– Слава богу, нет, – на лице Аллы Николаевны появилось некоторое недовольство моим не совсем, может быть, тактичным вопросом.

– И у вас тоже, я слышала, какие-то проблемы?

– Да. Я занимаюсь коммерцией, у меня свой мини-маркет. Так вот, вчера и сегодня с утра не дают прохода налоговая полиция и санэпидемстанция. То одно, то другое. И все без каких-то видимых причин – только недавно проверка была. И естественно, я расцениваю все происходящее как давление на мою семью.

– И как вы думаете, кто его осуществляет?

– Если бы я знала, то не стала бы приглашать вас, – поджав губы, ответила Крашенинникова и достала из пачки «Вирджинии», лежащей на столе, сигарету.

– Но хоть какие-то подозрения у вас есть?

Крашенинникова отрицательно покачала головой. Я поняла, что передо мной достаточно энергичная женщина, которая многие проблемы может решить сама. И уж если она прибегает к помощи частного детектива, значит, проблемы действительно непонятны ей и она сама ничего не может сделать.

– Мне Людмила Александровна уже выдала аванс. Я займусь вашим делом. И, если вы не против, начну с того, что побеседую с вашими детьми.

– Пожалуйста, – развела руками Алла Николаевна. – Оксана будет дома примерно через час, она в университете. Глеб, как вы уже знаете, в больнице. К нему, правда, доступ ограничен, но я поговорю, вас пропустят.

– Хорошо. Тогда начнем с больницы.

Я допила свой кофе и встала с места, давая понять, что дело не терпит и пора отчаливать.

Навашин с Фахрутдиновой отправились к себе на стадион. Я мило попрощалась с менеджером футбольной команды, пожав ему руку. Он, в свою очередь, выразил надежду на то, что встреча наша не последняя.

Мы же вместе с Аллой Николаевной на ее «Хонде» поехали в больницу.

У дверей палаты, где находилась местная футбольная звезда, был выставлен пикет. Дежурили двое парней, по причёске и манерам которых можно было сразу сказать, что им

чужды различного рода тонкости и хитрости, и – чуть что – они сразу решают проблемы кардинально и наверняка. «Быки» узнали мать Крашенинникова и хмуро спросили, кто такая я. Удовлетворившись репликой Аллы Николаевны «она со мной», молча пропустили нас в палату.

Крашенинникову, видать, по благу выделили отдельный бокс с телевизором и холодильником. Сам центрфорвард был достаточно худосочным пареньком лет двадцати–двадцати двух, с вытянутым лицом и длинной шеей.

Алла Николаевна поздоровалась с сыном и деловито стала выкладывать прихваченные из дома продукты в холодильник и в тумбочку.

– Глеб, познакомься, это Татьяна. Она согласилась расследовать, кто на нас наезжает...

– Мам, все это чушь, никто на нас не наезжает! – раздраженно отмахнулся Глеб. – А вы частный детектив?

– Да, – призналась я со вздохом. – А что – не похожа?

– Почему? – смутился футболист. – Просто никогда не видел живьем...

По его настроению, однако, явно можно было понять скептическое отношение ко мне. Почувствовав это, Алла Николаевна весьма энергично и эффектно провела рекламную кампанию моей персоны, в течение минуты обрисовав реальные и мнимые мои заслуги перед гражданами нашего города по избавлению их от криминальных проблем.

Глеб сначала удивился, потом равнодушно пожал плечами

и спросил, что от него требуется. Я предложила, чтобы он по возможности подробнее вспомнил все обстоятельства дела.

Он вздохнул и какими-то шаблонными фразами начал рассказывать. Выяснилось, что вечером его остановили в подъезде двое и попросили автограф. Как только он наклонился над листком бумаги, ему стукнули железным прутом по голове. Удар был всего лишь один. Когда Глеб упал, один из нападавших пнул его ногой и оба убежали.

– У тебя есть какие-нибудь враги? – напрямую спросила я, едва он закончил свой рассказ.

– Нет, – тут же ответил Глеб. – Я ни с кем стараюсь не ссориться. Даже с теми, с кем это порой очень непросто сделать.

– Это с кем же?

– С Гараевым, например, с нашим тренером. Благо я еще мячи регулярно забиваю, а то вообще спасу не было бы. С остальными-то он не больно церемонится. Но порой и на меня наезжает не по делу. А когда наезжают без причин, сами понимаете...

– А когда причина есть?

– Ну, тогда еще куда ни шло, – уклончиво ответил Крашенинников.

– Так, может, все-таки есть какая-то причина, по которой на тебя кто-нибудь мог наехать?

– Ну, должен я деньги, – после некоторого раздумья сказал футболист. – Ну и что... Нет, Андрюха не будет со мной так поступать.

– Кому ты должен и сколько?

– Три тысячи «зеленых», за машину... Другу своему...

Еще с прошлого года...

– А когда должен был отдать?

– Еще зимой, но я не смог. Кризис все-таки... Да я видел его недавно! – Глеб повысил голос. – Он, конечно, был раздражен, но ведь все понимает. Если в высшую лигу в этом году выйдем, я ему точно отдам.

Я узнала фамилию и адрес Андрея, которому Глеб был должен деньги, и записала приметы неизвестных хулиганов. На прощание Крашенинников еще раз заверил меня в том, что его кредитор здесь абсолютно ни при чем.

«Не очень густо», – думала я, выходя вместе с Крашенинниковой-мамой из больницы. Но это же только первый этап дела, впереди встреча с дочерью Аллы Николаевны, Оксаной.

Возможность пообщаться с ней представилась мне сразу же по возвращении в квартиру Крашенинниковых. Оксана уже вернулась с занятий.

Она оказалась довольно высокой и стройной длинноволосой девушкой с резкими, почти подростковыми манерами.

– Украла у меня паспорт. Не знаю кто... Встретили, навешали и деру, – примерно такими рублеными фразами она обрисовала мне свои проблемы и исчезла в своей комнате.

Алла Николаевна зашла к ней и после пятиминутного разговора с дочерью пригласила в комнату и меня.

– Я вас оставляю вдвоем, – сказала она.

Как только за матерью закрылась дверь, Оксана равнодушно спросила:

– Ну и что вас интересует?

– Давай на «ты», – предложила я. – У нас не такая большая разница в возрасте.

Оксана пожала плечами.

– Так что же ты хотела у меня узнать?

– То, что на тебя напали и отобрали паспорт, я слышала.

Но кто напал? Ты вообще не запомнила их?

– Ну почему не запомнила? Один – высокий, лысый. Другой – поменьше и потолще. Больше ничего не помню. У меня голова болела... И вообще... – в тоне Оксаны начали прорываться нотки раздражения.

– Что вообще?

– Достали все, – Оксана неожиданно резко встала со стула и прошла в угол комнаты.

Там стоял компьютер. Она включила его и через минуту уперлась в игру «Дум». Я исподволь стала наблюдать за ней. По тому, как азартно мочила она всех своих виртуальных врагов, отпуская по ходу борьбы резкие высказывания, я поняла, что девочка находится в явно невротическом состоянии.

– Говорят, ты за границу собралась?

– Да нужна мне эта граница... – неожиданно агрессивно отреагировала Оксана. – Я хочу спокойно пожить хоть чуть-

чуть, а тут – справки, фотографии, хрень всякая, мать покоя не дает... Тьфу! У нее на работе проблемы, значит, все должны на уши вставать.

– Ты что, думаешь, паспорт у тебя случайно украли?

– Думаю, да, – упрямо качнула она головой, и волосы закрыли ей лицо. Нервно поправив их, она снова уткнулась в компьютер.

– Оксана, а у тебя есть друг? – неожиданно спросила я.

Этот вопрос застал ее врасплох. Она прекратила двигать мышкой и, оперев взгляд в монитор компьютера, несколько секунд сидела молча. Потом снова встрепенулась, повернулась ко мне и с вызовом спросила:

– А какое это имеет значение?

– Просто ты оставляешь впечатление очень крутой девчонки. А поведение твое под стать любому парню. Мне интересно, какие парни на тебя западают?

Оксана скептически покривилась.

– Это не они западают, а я... И все на каких-то... Ах, твою мать! – она чуть отвлеклась от игры и тут же поплатилась за это своей виртуальной жизнью.

Отложив мышку в сторону, повернулась ко мне и сказала:

– Так, лабуда какая-то все попадается. Ничего интересного. Амбиций до фига, а толку никакого. На уме только чтоб в постель затащить, а делать там ни хрена не умеют.

– Оксана, что приготовить тебе на ужин? – заглянула в комнату Алла Николаевна.

– Я же сказала, что сегодня ничего не хочу есть! – взвилась Оксана. – Какого черта! А если опять приготовишь сосиски со спагетти, так ешь сама, меня от них воротит!

Алла Николаевна пожала плечами, осуждающе покачала головой и удалилась.

Оксана немного погодя встала, вышла из комнаты и вскоре вернулась с кухни, держа в руках пакет чипсов. Набрав горсть и отправив себе в рот, вновь уселась за компьютер.

Тут зазвонил телефон, и Оксана бросилась к трубке.

– Алло... Это опять ты? Сколько можно! – голос Оксаны срывался на истерику. – Что тебе надо? Да пошел ты...

Она, размахнувшись, шмякнула трубкой об аппарат. Я уже подумала, что телефону пришел конец, однако малайзийская пластмасса «Панасоника» стойко выдержала удар.

– Неудачи на любовном фронте? – спросила я.

– Это к делу не имеет никакого отношения, – отрезала Оксана и вдруг скривилась.

Лицо внезапно исказилось, как будто она только что съела что-то непотребное или в комнате неожиданно распространился какой-нибудь неприятный запах. Кислятина на лице Оксаны сохранялась примерно с полминуты, потом она вздохнула и повернулась ко мне. По ее настроению я поняла, что она сейчас поставит ребром вопрос о моем пребывании в ее комнате. Вряд ли эта девочка скажет мне что-нибудь стоящее... И тут, просуммировав в своей голове все впечатления от общения с ней, я озарилась догадкой.

– Ты, извиняюсь, случаем, не беременна? – спросила я вдруг, опережая ее фразу.

Оксана тут же сжалась в комок и, уже открыв рот, замолчала.

– Я права? В этом виноват тот, кто звонил? – продолжала я натиск.

На лице девушки появилось явно заметное покраснение. Было видно, что внутри ее бушуют нешуточные страсти.

– Токсикоз уже проявляется, как я заметила? – Этим вопросом я абсолютно добила ее.

– Ну и что? – вздохнув, ответила она вопросом на вопрос и сразу как-то успокоилась. – Все бывает в жизни...

– Мать, естественно, не в курсе?

– Ей некогда, ей с налоговой разругивать надо, – резко сказала Оксана.

Было ясно видно, что отношения с матерью у нее далеко не безоблачные.

– Ну и что думаешь делать?

– Не знаю... – по сравнению с началом нашего разговора в Оксане явно произошла перемена. Она как-то смягчилась и была, кажется, готова рассказать мне все.

– И кто он? – продолжила я допрос.

– А... никто, – равнодушно ответила Оксана. – Вон, звонит, досаждают, – кивнула она на чудом уцелевший «Панасоник».

– А что досаждают-то?

– Хочет жениться на мне.

– А ты – нет?

– Зачем мне этот тютя? – К Оксане начало возвращаться боевое настроение. – Говорит, чтоб я рожала, мол, женюсь. А мне это на фиг не надо! В восемнадцать лет ярмо такое себе на шею... Но все-таки он сволочь! – Оксана помрачнела и закусила губу.

– В смысле?

Девушка не отвечала. Она смотрела на стену напротив, где были развешаны плакаты всяких заморских рок-кумиров. Предпочтение Оксана отдавала «Металлике» и «Оффспрингу». Я не удивилась. Можно было предположить, что девушка с таким характером должна любить жесткую и бескомпромиссную музыку.

Неожиданно она взорвалась.

– Да он мой паспорт упер, он! Угрожает, что расскажет матери. А я не хочу, чтоб она знала. На следующей неделе уже моя очередь на аборт. Гад!

Оксана схватила лежавшую на диване книгу и запустила ее прямиком в высунутый язык солиста «Металлики».

– Значит, никто на тебя не напал? – облегченно вздохнув, уточнила я.

– Нет. Это я так, придумала, чтобы все правдоподобно было. Тем более что на Глебку вон напали какие-то идиоты... А мама вообразила невесть что.

– Оксана, я берусь забрать твой паспорт у этого твоего тютя-

ти. И матери ничего не скажу. А ваши проблемы с будущим ребенком регулируйте сами.

– А как же насчет нападения? – тут же спросила Оксана.

– Это мои проблемы. Я придумаю что-нибудь, чтоб выглядело все правдоподобно.

Оксана пристально посмотрела на меня, словно желая понять, можно ли доверять мне. Наконец отвела взгляд и тихо сказала:

– Хорошо.

– В таком случае одевайся и едем щемить тютю, – подытожила я.

Оксана собралась быстро. Натянув на себя кожаные штаны и куртку, увешанную разными металлическими фенечками, она порывисто вышла из комнаты.

– Мы уезжаем вместе с Оксаной, – прокомментировала я ситуацию вышедшей из кухни Алле Николаевне.

– Куда? – удивилась та.

– Искать паспорт, – коротко бросила я и вышла из квартиры.

Глава 2

Дверь нам открыли быстро. На пороге стоял долговязый сутулый парень в очках. Уши его были заткнуты двумя черными кругляшами – наушниками от плеера. Оксана вперед меня влетела в прихожую, оттесняя парня в глубь квартиры.

– Ты чего? – несколько испуганно спросил парень, выдергивая из ушей наушники.

– Давай сюда паспорт, козел! – заорала Оксана.

– Какой паспорт? – попробовал прикинуться тот шлангом.

Я заглянула в квартиру и оценила обстановку. Вроде бы никого, кроме худосочного меломана, здесь не наблюдалось.

– Ты в квартире один? – на всякий случай спросила его непререкаемым тоном.

– Да, – ответил он, совсем растерявшись.

– Очень хорошо, – и, подскочив к нему, я внезапно толкнула его на стоявший рядом диван.

То ли парень оказался таким хлипким, то ли мой напор был одновременно неожиданным и сильным, но меломан полетел на диван, чуть было не сломав его при этом.

– Где паспорт? Быстро гони его сюда! – заорала я, попутно вынимая из кармана джинсов поддельное милицейское удостоверение. Сунула ему документ в лицо и продолжила натиск: – Если отдашь по-хорошему и кое о чем расскажешь, мы, так и быть, не будем заводить на тебя дело.

– Какое дело? – Парень немного стал приходить в себя, и по его виду я заметила, что он вообще-то осознал, что перед ним находятся две женщины. – Вы что наезжаете-то?

– Мы не наезжаем, а снимаем показания, – гнула свою линию я. – Ты что, думаешь, тебе все шуточки? А в камеру со взрослыми дядями, враждебно настроенными, не хочешь?

– Мишель, отдай лучше по-хорошему, – вступила в разговор Оксана, чем очень мне помогла, так как я забыла спросить впопыхах, как зовут ее жениха.

– Михаил, ты должен понять всю остроту момента, – подержала я невесту.

Михаил вдруг, собравшись с силами, ринулся вперед и попытался толкнуть меня на пол. Однако я легко отработала нападение. Рванула руку на себя, потом подняла его вверх – благо весил паренек всего килограммов пятьдесят с гаком, – и через секунду он с грохотом приземлился на пол квартиры.

– Бля-а-а! – послышался сакраментальный его стон.

– Ты понял, что с тобой не шутят? – спросила я.

– А ну-ка, вставай, вставай немедленно! – Оксана подскочила к нему и стала весьма энергично тормошить его и пинать.

Краем глаза она очень уважительно на меня посмотрела. На нее, видимо, большое впечатление произвело то, как легко и непринужденно разобралась я с ее парнем.

– Сейчас, – простонал Михаил. – Подожди...

– Где паспорт? – я была неумолима.

– В ящичке шкафа, – промямлил Михаил. – В среднем, в углу.

Я тут же сориентировалась и открыла средний ящик серванта, стоявшего напротив. Наряду с какими-то бумажками, ручками и фломастерами в дальнем углу его обнаружилась темно-красная паспортина, такая самая, которой некогда гордился великий горлан революции Владимир Маяковский.

Я открыла его и убедилась, что нашла то, что искала.

– Очень хорошо, Миша, – сказала почти ласково. – Но это не все. У меня к тебе еще есть вопросик.

Внутренне, впрочем, я не очень рассчитывала на успех, так как Михаил совершенно не вязался у меня с образом того, кто мог бы организовать покушение на брата Оксаны. Но для проформы, когда он очухался и снова сел на диван, я строго произнесла:

– Ну а теперь рассказывай, зачем ты Глебу череп проломить пытался...

– Какому Глебу? Какой череп? – удивление паренька было столь неподдельно, что я сразу же поняла – этот путь ложный.

Оксана, правда, активно поддержала меня и, надавав Михаилу пощечин, требовала от него признания в нападении на брата. Совсем сникший Михаил отбивался от нее как мог и, в конце концов, когда Оксана поостыла, приложив руку к груди, поклялся, что ни к какому нападению в подъезде он

не причастен. Чем я на тот момент вполне удовлетворилась.

– Оксана, пора ехать, – посмотрела я на часы. – Пора сказать твоей маме, что все нормально.

– Нет, я хочу поговорить с ним, – вдруг заартачилась она.

– Потом, у меня нет времени, мне тоже надо отдыхать, – проявила я настойчивость. – А на часах уже одиннадцать.

Оксана посмотрела на Михаила с какой-то тоской. Хотя по выражению ее лица было видно, что ею владеют смешанные чувства: от непонятной симпатии и некоторой жалости к нему до неприязни и стремления постоянно унижать его. Да и Михаил в силу своей внешности и склада характера провоцировал на это. Если бы у меня действительно было достаточно времени, я бы провела с ним психологический тренинг, но денек нынче выдался весьма напряженным. После того как нашелся паспорт, я почувствовала в себе упадок сил и непреодолимое желание отдохнуть.

– Ты особо не переживай, все наладится, – как-то вяло успокоила я хозяина квартиры перед выходом и даже поправила ему ворот на рубашке. – Купи ей что-нибудь в подарок завтра...

Оксана в этот момент спускалась вниз по лестнице. Михаил угрюмо кивнул и отвернулся.

Через полчаса я уже сидела перед Крашенинниковой-матерью и, напрягая весь свой нереализованный талант актрисы, расписывала ей картину разборки с Оксаниными одноклассниками по институту, которые решили подшутить над

ней после очередной дружеской попойки. Поскольку студенты были как бы люди свои, я просила маму не раздувать из этой мухи слона. Одногруппники полностью раскаялись и отдали паспорт. Оксана же сразу не призналась, потому что не хотела подставлять своих друзей. Стоявшая рядом Оксана все время утвердительно кивала и попутно заверила мать в том, что она в той пирушке никакого участия не принимала. Про беременность Оксаны я, естественно, не сказала ничего. В конце концов, пускай молодежь сама разруливает свои проблемы. Родит – хорошо, сделает аборт – ее дело...

Алла Николаевна очень внимательно выслушала мой рассказ. Однако ее не убедило то, что случай с Оксаной не связан с наездами на ее семью. Она решительно требовала от меня продолжения расследования. Безусловно, нападение на Глеба было делом гораздо более серьезным. С этим вынуждена была согласиться и я. Мы расстались на том, что завтра мой день начнется с того, что я вплотную займусь проработкой версий о нападении на ее сына.

* * *

Следующее утро началось для меня с приятной констатации того, что один пункт из предъявленных мне для расследования был успешно закрыт. Оксане вместе с ее другом можно было лишь пожелать успешно урегулировать свои отношения. Оставались Глеб и его мама. Я решила сначала за-

няться делом футболиста, а мать и ее проблемы с официальными органами оставить напоследок.

Долги... Ну, допустим. Но... Крашенинников – какая-никакая, но звезда, и зарабатывает весьма прилично. Если верить Навашину, который вчера только и делал, что говорил о перспективах команды, в ближайшем будущем доходы Глеба только увеличатся. К тому же и мама небедная, в крайнем случае раздала бы долги сына... Нет, тут что-то не то.

Милицейская сводка о нападении на Глеба, с которой через знакомых в милиции я успела ознакомиться, ничего существенного не дала. Приметы парней Глеб сообщил весьма расплывчатые, ссылаясь на плохое освещение в подъезде, опросы свидетелей ничего не дали, никаких номеров машин и других обычных в таких делах зацепок не было.

Я решила, как всегда бывает в спорных ситуациях, обратиться к костям.

3+17+29.

«Смело начинайте действовать, и результат будет сверх ожиданий».

Рекомендации, как всегда, оказались абстрактными. Кости как бы давали мне карт-бланш на то, что я считала нужным. А интуиция в данном случае подсказывала мне, что необходимо ознакомиться со средой, в которой жил Глеб Крашенинников. То есть с головой окунуться в мир спорта.

И я решительно направила свою «девятку» к стадиону «Авангард». Там достаточно быстро нашла Фахрутдинову и

попросила ее показать мне, как пройти в администрацию футбольного клуба. Та как-то лукаво подмигнула мне и объяснила, что это совсем рядом, нужно лишь пройти метров сто.

Я поблагодарила ее и минуту-другую спустя входила в трехэтажное здание с большими окнами. На втором этаже разыскала кабинет менеджера и постучала в дверь.

– Войдите, – пробасили изнутри.

Я открыла дверь и увидела, как сразу же изменилось настроение у человека, сидящего за столом. Подняв голову от каких-то бумаг, которые перебирал с удрученным видом, он при виде меня непроизвольно улыбнулся.

– Татьяна, это вы?

– Да, и к вам по делу, – небрежно сказала я, подходя к столу. – Мы уже достаточно продвинулись в работе, и интересы расследования требуют, чтобы я ознакомилась с обстановкой в футбольной команде.

– Да? Почему? – На лице Навашина сразу же появилось выражение крайней настороженности.

– Необходимо отработать все версии... Может быть, нападение на Глеба связано с его спортивной карьерой...

– Гм... Гм... – покашлял Навашин. – Но... Как это сделать? Дело в том, что наш главный тренер будет против.

– Почему?

– Он не терпит никакого вмешательства в дела команды. Разрешает разве что спонсорам... Я не могу представить вас

как частного детектива.

– А вы представьте меня своей подругой, – прямо сказала я, кокетливо глядя Навашину прямо в глаза.

Он тут же, по своему обыкновению, смутился и покрутил головой.

– Ну? Что же вы молчите?

– Хорошо, – сказал Навашин. – А что вы хотите?

– Мне надо бы познакомиться с руководством, игроками, словом, как-то незаметно войти в коллектив.

– Вообще-то сегодня у нас тренировка, – Навашин посмотрел на часы. – Через полтора часа. Можно с этого и начать...

– Прекрасно. Значит, решено – я ваша подруга. Или, может быть, – я придала своему лицу озабоченности, – у вас уже она есть и руководство об этом знает?

– Нет, – Навашин почему-то покраснел. – Нет у меня подруги.

– В таком случае через полтора часа – вперед!..

* * *

Навашин провел меня по коридору, раскрыл дверь с табличкой «Главный тренер» и широко улыбнулся невысокого роста седенькому крепышу с мелкими кудряшками. Тренер, облаченный в адидасовский костюм, курил, сидя за столом. Перед ним были разложены схемы футбольного поля, на ко-

торых он что-то задумчиво чертил.

– Вот, Владимир Григорьевич, знакомьтесь, это Татьяна! – Навашин представил меня тренеру.

Хозяин кабинета не торопясь поднял голову и окинул меня холодным взглядом. Видимо, удовлетворенный первичным тест-контролем, он позволил себе слегка улыбнуться и как-то вяло пригласил нас садиться.

– Это моя подруга, – сказал Навашин. – А это наш тренер, Гараев Владимир Григорьевич. Дело в том, что Татьяна очень хотела поприсутствовать у нас на тренировке. Я подумал, что здесь нет ничего такого...

– Н-да? – недоверчиво проскрипел тренер. – Ну что ж, пускай поприсутствует.

Он еще раз оглядел меня, и на этот раз я заметила в его глазах явные огоньки мужского интереса. «Ах ты старый ловелас!» – так и просились наружу слова.

– У тебя все? – спросил тренер.

– Да, – ответил Эдуард.

– В таком случае идите на поле и не мешайте мне готовиться к тренировке.

Мы тут же согласно закивали головами и вышли из кабинета. Глаза Навашина светились радостью и излучали безудержный оптимизм. «Собственно, наверняка таким и должен быть менеджер футбольного клуба, ставящего перед собой глобальные спортивные задачи», – в душе усмехнулась я. Хотя и подозревала, что этот его оптимизм навеян скорее

тем обстоятельством, что сегодня он проведет вечер в моем обществе.

За те полтора часа, которые мы провели, беседуя в ожидании тренировки, Эдуард преодолел свое природное смущение. Он даже осмелился пригласить меня вечером отдохнуть, и я милостиво согласилась.

Мы подошли к кромке поля, где уже находились футболисты. Среди них я с удивлением обнаружила крепкого чернокожего парня с минимумом прически на голове.

– Это Алдейро, бразилец, – вполголоса пояснил Навашин, заметив мое недоумение. – Мы его купили в Форталезе в прошлом году – во время тура по Бразилии. Способный технарь, в одиночку троих обведет... И театрал неплохой. В штрафной площадке падает, как на mine подрывается. Три пенальти в сезоне сделал.

Футболисты не обратили на нас особого внимания, сосредоточиваясь перед тренировкой. Мы прошли чуть дальше и уселись на тренерскую скамейку. Немного погодя на поле появился Гараев, и игроки сразу же столпились вокруг него.

– Алдейро! – строго обратился Гараев к бразильцу. – Меньше финтов, чаще играй в стенку с партнерами. Здесь тебе не Бразилия, у нас защитники костоломнее, чем в немецкой бундеслиге!

Негр послушно закивал и посмотрел на тренера уважительно, как старательный ученик воскресной школы на padre. Наставления заняли не очень много времени, и вскоре

футболисты выбежали на поле. Гараев присел рядом с Навашиным на скамейку.

– Привет, – неожиданно вырос перед нами улыбающийся во весь рот смуглый брюнет со складками на лице.

С этим обликом совершенно не вязалась мощная шевелюра, шапкой покрывавшая его круглую голову.

– О, прошу любить и жаловать, Танечка, это наш диспетчер, полузащитник Роман Шлангман, – представил брюнета Навашин. – Душа коллектива, так сказать, тамада футбольного клуба.

– У меня национальность такая, – пошутил Шлангман, широко мне улыбаясь. – Я всех запугал – если что против вякнут, я смело могу обвинить коллектив в антисемитизме.

– Я тебе сейчас прилюдно обрезание сделаю! – послышался громовой окрик Гараева. – Почему опаздываешь? Быстро на поле, кончай базар. И это капитан команды!

Шлангман развел руками, улыбнулся и быстро побежал к центру стадиона, где уже установили мяч. Немного погодя две команды, составленные из игроков основного состава и дубля «Авангарда», уже сражались в тренировочном бою.

Как только началась игра, Гараев стал весьма импульсивно реагировать на каждую оплошность своих игроков, постоянно используя матерные слова. После тренировки, продолжавшейся часа два, я сделала вывод, что он вполне мог бы претендовать на место лидера в конкурсе на знание русского ненормативного фольклора среди тренеров первой лиги.

Все время, что продолжалась игра, я старательно пыталась разобраться, что же происходит на поле. Мало-помалу начала втягиваться в события, чему помогали комментарии Навашина.

Самой сильной в команде, как выяснилось, была линия полузащиты, в которой Роман Шлангман, Александр Цыбизов, Борис Плющев и Павел Фокин умело вели пас и достаточно быстро переводили игру от обороны к атаке.

Вратарь Андрей Семушкин, здоровенный, почти двухметровый гигант, также показался мне надежным стражем ворот. Был момент, когда мастер ударов издалека, Плющев, «зарядил» метров с двадцати пяти в верхний угол. Семушкин как истребитель вертикально взлетел с места и перевел мяч на угловой.

Насчет другой жизненно важной для футбольной команды игровой линии, а именно защиты, очень красноречиво высказался спустя несколько минут второй тренер клуба Евгений Сумароков.

– Тьфу ты!.. Нет у нас ни х... никакой защиты! – яростно стукнул он кулаком по колену, когда на правом фланге мяч пролетел между ног левого защитника Олега Рудикова, и Алдейро, прорвавшись к воротам, забил гол.

– Надо покупать и левого, и правого, – согласился со своим помощником Гараев. – А этих всех – в задницу!

– Именно там они постоянно и прописаны в последнее время, – со злостью подчеркнул Сумароков. – Воображают

себя звездами, а сами горазды лишь водку пьянствовать да... колядовать по-черному!

Про двух других защитников, здоровенного и несколько тяжеловесного Виктора Уфанова, по образному выражению Навашина, «последней баррикады клуба», и тощего высоко-го Михаила Доронина, тренеры промолчали, но особых восторгов по поводу их игры не высказали.

После тренировки в комнате отдыха состоялся так называемый «разбор полетов», когда Гараев вместе с Сумароковым, вооружившись бумажными планами футбольного поля, объясняли футболистам их ошибки.

– У нас остались очень важные матчи, – подытожил обсуждение Гараев. – Надо собраться и особенно сосредоточиться на выездных играх. Хватит уже получать пинки от спонсоров и газетчиков за то, что не умеем играть на выезде. Цель абсолютно ясна – мы должны войти в высшую лигу. Никаких других задач у нас нет. И всем, подчеркиваю, всем, – тренер особо остановил взгляд на красавце Рудикове и еще одном крайнем защитнике, Алексее Пригарине, которого мать-природа также не обделила мужской красотой, – это нужно усвоить. Никакой водки и никаких баб!

– А как же группа поддержки, Владимир Григорьевич? – пошутил Шлангман, который был капитаном команды и на этих правах мог позволить себе более свободно разговаривать с тренером. – Для чего вы ее создаете?

Ответом на эту невинную шутку был грохот тренерского

кулака по столу.

– Я тебе покажу группу поддержки! – завопил Гараев. – Сторожей ко всем приставлю, буду вытаскивать из-за столов и из кроватей!

Фокин не удержался и улыбнулся:

– А если с женами, то как же?

– С женами... можно, – выдохнул Гараев.

Воцарилась пауза, которую спустя несколько секунд прервал главный тренер, снова, уже более сдержанно, стукнув кулаком по столу. Насколько я поняла, это был его любимый способ общения с окружающими.

– Все свободны, утром тренировка, вечером выезжаем в Дальнегорск.

Игроки послушно закивали и засобирались к выходу. Навашин попросил меня подождать у него в кабинете, а сам он должен обсудить с Гараевым кое-какие дела.

Я в кабинет не пошла, предпочтя подождать его на улице. Спустя некоторое время увидела, что к зданию подошла целая группа молодых девчонок. Бросилось в глаза, что все они были очень мажорно одеты. Изящные кожаные курточки, модные ботиночки, обтягивающие джинсы...

Я поняла, что это и есть та самая группа поддержки из девочек-шейпингисток, которых Фахрутдинова «одолжила» на время футбольному клубу.

На вид девчонкам было от шестнадцати до двадцати лет, и глаза их явно никогда не были на мокром месте, когда они

разглядывали себя в зеркало. Стройные, красивые, длинноволосые – брюнетки, блондинки, шатенки.

Но долго разглядывать их мне не пришлось. На улице появился Навашин, который, во-первых, пригласил шейпингисток на беседу с главным тренером, а во-вторых, удивился, что я жду его на улице, а не в кабинете.

– Воздух очень хороший. И вечер тоже... – объяснила я. – Теплые деньки-то скоро кончатся.

– Да, – согласился Навашин. – Я, кстати, освободился, мы можем ехать.

– И куда же поедем? – с улыбкой спросила я.

– Думаю, что в «201». – Так назывался один из центральных баров, находившийся в подвале на единственной пешеходной улице города.

– Что, на тебя спортивный режим не распространяется? – лукаво спросила я, незаметно переходя с ним на «ты».

– Во-первых, водку пить я не собираюсь, а во-вторых, у Гараева довольно часто коротит башню, и искры летят во всех подряд. И сегодня он так меня достал, что просто необходимо отдохнуть.

Мы уселись в его «Опель», и вскоре, совершив круг по центральным улицам, машина остановилась на перекрестке с пешеходным проспектом. Навашин припарковал ее в ряду блестящих иномарок между «Мерседесом» и джипом «Чероки».

Дальше нужно было идти пешком. Наступал вечер, ото-

всюду гремела разностилевая музыка, на проспекте тусовалась молодежь. Совсем рядом с баром на небольшой площадке народ развлекался караоке. Я не удержалась от улыбки, когда увидела, как лысый парень в черной майке, обвешанный цепями, пытался поразить собравшихся познаниями в рок-классике.

«Йестер-дэй! Олл май тр-раблз симт со фар эвэй!» – орал он в микрофон жутко лажовым голосом, не попадая в тональность. Несмотря на все это, девушка, которая пришла вместе в ним, явно была в восторге.

– Пойдем вниз, там лучше поют, – сказал Эдуард, беря меня за локоть и указывая на подвальчик, над которым светились крупные цифры «201».

Он пропустил меня вперед, и мы вошли в слегка затемненное помещение. На небольшой эстраде четверо музыкантов тихо изливали свою в данном случае ностальгию, облеченную в форму ненавязчивого джаза.

Эдуард заказал мороженое и кофе для себя и мартини для меня и, придав лицу задумчивое выражение, начал откровенно заглядывать мне в глаза. Я поспешила отвлечь своего спутника и перевести беседу в деловое русло.

– Эдик, – доверительно начала я, – мне надо, чтобы ты рассказал мне о команде. Словом, дал характеристику тренерам и игрокам.

Навашин не заставил долго себя упрашивать и вскоре уже выкладывал мне информацию обо всех и вся порцию за пор-

цией.

– В общем, защита у нас слабая. Вся бухает напропалую, особенно толстяк Уфанов. Но чтоб свалить такую тушу – алкоголя надо много. Как-то он даже на поле под этим делом вышел, и ничего. Андрюха Семушкин, воротник наш, тот ни-ни. Он вообще какой-то слишком уж наглухо пробитый, я порой удивляюсь, как у него хватает ума понимать, в какой угол бросаться за мячом.

– Тупой, что ли? – уточнила я.

– Угу. Но вратарь ничего себе. У нас даже купить его хотят на следующий сезон, в Москву... Зато полузащитники наши все как на подбор умные, – улыбнулся Навашин.

– А нападение?

Навашин тяжело вздохнул.

– Нападение у нас – это Глеб Крашенинников. Который, как ты отлично знаешь, сейчас выбыл из строя. Глеб у нас звезда местного масштаба. Бразилец Алдейро, который играет с ним в паре, – это так, скорее для понта. Я думаю, что в Рио-де-Жанейро на пляже таких Алдейро – каждый второй. По-русски понимает хреново, объяснять нужно ему все очень долго... Только мат выучил в совершенстве, сволочь, – улыбнулся Навашин. – Иногда как завернет по-своему, по-португальски, а между словами наше, родное и знакомое... Сидишь, слушаешь, и крыша едет потихоньку.

– Ну а руководство?

– Гараев – типичный самодур, почти истерик. Сумароков

более выдержанный, он порой удачно компенсирует загоны нашего главного. Ну а я, администратор, – вот он весь перед тобой.

Навашин улыбнулся и взял меня за руку. Мартини уже достаточно рассосался в моем организме, музыка со сцены звучала весьма душевная, и я почувствовала, что мне это приятно. Этот человек, большой и несколько неуклюжий... Я явно чувствовала к нему симпатию.

– Таня, давай потанцуем, что ли? – чуть с хрипотцой произнес Навашин.

Я согласно кивнула и встала из-за столика. Во время танца почувствовала, как у моего партнера сильно бьется сердце. В другой момент я просто отметила бы, что очередной мужчина волнуется в моем присутствии, но сейчас этот факт пробудил внутри меня исключительно теплые и добрые чувства. Я сильнее обняла Навашина и почти всем телом прижалась к нему.

Потом мы еще некоторое время сидели за столиком вдвоем, о чем-то разговаривали, но я не придавала этому большого значения. Почувствовала только, что отдыхаю по-настоящему, может быть, первый раз за последние несколько месяцев.

Как-то само собой получилось, что Эдик пригласил меня к себе. Было уже около десяти вечера, и характер нашего дальнейшего общения был ясен обоим, хотя в открытую это не говорилось ни мной, ни им. Просто я почувствовала, что

нами обоими владеют одни и те же импульсы.

Мы вышли из бара, прошлись пешочком по улице, а потом Эдик, щелкнув дистанционкой, открыл дверцы своего «Опеля». Вскоре мы уже катили по вечерним улицам города.

Свеженький ветерок сентябрьского вечера приятно продувал салон машины, и мне показалось, что я на полных парах мчусь к новым, неизведанным доселе ощущениям. Полностью расслабила свое тело в кожаном кресле, закрыла глаза и наслаждалась ощущением полета...

И очнулась лишь, когда Эдик уже притормозил свою машину возле подъезда.

– Мадемуазель Татьяна, прошу на выход! – галантно сказал он, указывая на подъезд.

Я расправила плечи и с неохотой вышла из машины. Мне хотелось, чтобы чувство, овладевшее мной во время поездки, продлилось хотя бы еще чуть-чуть.

Я и не подозревала, что мои ощущения совершат в тот вечер головокружительный кульбит.

Едва мы вошли в подъезд, как сразу буквально наткнулись на двух парней спортивного вида. Мне тут же показалось, что парни были плохо знакомы с правилами поведения в общественных местах, поскольку, о чем-то беседуя, они загродили своими телами проход.

– Пройти дайте! – недовольным тоном заявил Навашин.

Один из парней повернул голову, высокомерно оглядел нас и после некоторой паузы спросил:

– Это ты Навашин?

– Ну я, – сохраняя недовольство в голосе, ответил Эдик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.